

XXIII

Когда Рабидус наконец явился в библиотеку, Лист уже весь извёлся. Превращение в пони было для него такой же мечтой, как попасть в Эквестрию, пусть оно и временное. Парню было интересно, в кого он превратится: в обычного земного пони, в единорога или в пегаса? Твайлайт объяснила, что, так как все пони по сути один народ, то превращение будет зависеть больше от самого человека, чем от зелья. Лист не сомневался, что Рабидус станет единорогом – всё же волшебник как-никак! – а вот насчёт себя...

Рабидус был серьёзен и сосредоточен, как и подобает экспериментатору, но его что-то тревожило. Волшебник поздоровался с Листом и Спайком, с которыми ещё не виделся сегодня, и сел в кресло, нервно сцепив пальцы. Твайлайт не заметила его состояния и умчалась за зельем.

– Ты в порядке? – с тревогой спросил Лист, глядя на побелевшие от напряжения костяшки пальцев Рабидуса.

– В полном, – нервно кивнул тот и, откинувшись на спинку, начал барабанить пальцами по подлокотникам.

– А по тебе не скажешь, – взглядом указал на бегающие пальцы Лист. – Может, расскажешь, в чём дело? Это как-то связано с предстоящим экспериментом?

– Да, в какой-то мере, – глядя в потолок, вздохнул волшебник. – Я не специалист по зельеварению, но кое-что слышал... Как думаешь, из чего готовят все эти эликсиры и микстуры?

– Из травок там, корешков... – пожал плечами художник. – Откуда мне знать?

– И правда, – механически кивнул Рабидус. – Пожалуй, так даже лучше. Да, лучше не знать, из чего зелье. Это как с колбасой: пока не знаешь точно из чего она, то можно мечтать что из мяса.

Лист внимательно посмотрел на приятеля, сравнение зелья с колбасой его не на шутку встревожило. Неужели Твайлайт может травануть незадачливых подопытных? Что такого знает Рабидус об эликсирах, что от предстоящей дегустации его так колотит? От всех этих мыслей и сам Лист начал нервничать и с тревогой ждать единорожку.

Твайлайт поднялась из подвала, неся в розовом облачке перед собой поднос с двумя стаканами. Когда поднос опустился на столик перед людьми, Лист понял, почему переживал Рабидус: доверия содержимое стаканов не вызывало. Серо-бурое, с зелёными разводами, по консистенции – скорее слизь, чем жидкость, а запах... вызывал желание забить нос ватой. Смоченной нашатырём.

– Ну, вперёд! – Твайлайт не обратила внимания ни на кислую мину Рабидуса, ни на вытянувшееся лицо Листа – её сейчас занимал эксперимент и ничего более! Она уже приготовилась записывать всё происходящее, так что теперь дело было только за людьми.

– Кто первый? – переглянулись парни.

Волшебник протянул вперёд руку, молчаливо предлагая решить это с помощью игры в «Камень, ножницы, бумага». Несколько взмахов рукой и очерёдность определилась. Лист с облегчением выпустил воздух сквозь зубы – его камень сломал ножницы Рабидуса.

Волшебник дёрнул щекой, взял ближний стакан, на секунду замер, и одним махом проглотил содержимое, зажав нос. Лист с тревогой смотрел на застывшего волшебника – тот сидел, неестественно выпрямившись, а в глазах у него застыла такая скорбь, будто он увидел как Хатико, неизлечимо больной раком, тонет на Титанике... Но вот маг встрепенулся и его взгляд стал более осмысленным.

– Прошу прощения, мне нужно выйти припудрить носик, – извинился он и метнулся в уборную. Судя по звукам, раздавшимся секунду спустя, его вывернуло наизнанку.

Твайлайт сделала пометку в свитке и выжидающе посмотрела на Листа. Пример Рабидуса его вовсе не вдохновил, но отступать было поздно. Парень взял стакан и заглянул в него; из глубин зелья поднялся крупный пузырь и лопнул, оставив зелёное зловонное облачко. Лист судорожно сглотнул застрявший в горле комок и опрокинул в себя содержимое...

Всё оказалось не так плохо, как он ожидал... а намного хуже. Как позже он описывал Твайлайт свои ощущения: «Это как блевать. Только наоборот, и ещё отвратительнее». Подобно Рабидусу, Лист на несколько секунд замер столбом, прикидывая, что лучше сделать – упасть в обморок или же бежать в туалет. Решение подсказал Рабидус, освободивший уборную – на его-то место и рванул художник.

Не знаю, что там Твайлайт намесила, но на вкус это могло сравниться разве что со стряпнёй в моей студенческой столовой. Как же мне плохо... Она что, портянки вываривала? Хотя нет, не хочу знать. Вот и Лист пролетел мимо меня, наверное, тоже выпил раствора. А чего он ждал? Что опонячится с той же лёгкостью, что в Эквестрию попал?

– Рабидус, как себя чувствуешь? – с любопытством спросила Твайлайт, жадно разглядывая меня.

– Вспомни самое сильное несварение, что у тебя только было. А теперь усиль его в десять раз, добавь отрыжку и озноб. Примерно так я себя и чувствую.

Единорожка неуверенно хихикнула – кажется, она не ожидала такого эффекта. Чтобы скрыть смущение, она принялась что-то строчить в свитке, изредка поглядывая то на меня, то на дверь уборной, за которой скрылся Лист.

– Когда подействует Эликсир и сколько продлится эффект? – устав от молчания, спросил я.

– Подействует в течении получаса, а эффект будет примерно... – задумалась единорожка. – Так как зелье было слабеньким, то уже к завтрашнему утру вы снова станете людьми.

– Слабеньким?!.. – от мысли о концентрате *этого* меня всего передёрнуло!..

Потом передёрнуло ещё раз. И ещё. Затем затрясло как в лихорадке и резкая боль пронзила нутро. Не в силах сидеть, я сполз на пол, держась за живот. Стало очень холодно внутри, в то время как кожа горела. Начали неметь пальцы, а вслед за ними я перестал ощущать и руки...

Было страшно, странно и стрёмно. В голове начали бродить безумные мысли, будоража угасающее сознание. Что, если на человека зелье не подействует и то, что я ощущаю, просто симптомы отравления? Что, если я не превращаюсь, а банально умираю? Что, если... На этом я окончательно провалился во тьму.

Просыпаться не хотелось – я по дурусти обещал Твайлайт сегодня продегустировать её зелье. Спорю на что угодно – добром это не кончится! Мне даже приснилось, что я выпил жуткую дрянь и скопытился!..

Я потянулся на неожиданно жёсткой кровати и открыл глаза. Почему это я сплю на полу библиотеки? Неужели это был не сон, а реальность?

– Ты очнулся? – в поле зрения появилась встревоженная единорожка.

– Кажется, да, – я попытался встать, но тут же упал.

Неужели?.. Как же страшно посмотреть вниз... А одним глазком? Всё равно страшно!

– Твайлайт, я уже... того? – усилием воли я заставил голос не дрожать.

– Если имеешь в виду, превратился ли ты в пони, то – да.

Тянуть больше не имело смысла и я, смело зажмурившись, поднёс руки к глазам. Вторым героическим поступком был подъём век... Хм, симпатичное копытце.

Первый шаг был самым страшным – увидев часть себя, я перестал бояться, словно переступил некую незримую черту.

Вставать я больше не пробовал, по крайней мере сразу. Для начала нужно разобраться с мышцами и суставами. Задние ноги по ощущениям не сильно изменились, разве что опираться теперь придётся только на носок – пятка поднялась выше и стала суставом, сгибающим ногу, а не частью стопы. А вот передние ноги... руки... ноги-руки... Чёрт, они ближе к голове и должны быть руками! Но я чувствую их ногами, только очень гибкими и ловкими ногами! Прямо как руки... Я запутался!

Грохот со стороны уборной отвлек меня от самоисследования. Лист вывалился в гостиную едва не кувырком, его понячьи ноги мелькали во все стороны, пока он пытался удержать равновесие. Наконец, он споткнулся и рухнул, позволив себя рассмотреть. Художник стал светло-синим пегасом с чёрной гривой и хвостом, даже кюотимарку заимел: палитра с шестью цветами. Пока он лежал плашмя, раскинув ноги в разные стороны, его крылья, казалось, жили собственной жизнью. Они то поднимались, то опускались, несколько раз сложились, вновь расправились...

– Лист, тебя что, ноги не держат? – не удержался я от ехидства.

– Сам на полу валяешься! – огрызнулся тот.

– Не, ты не путай!.. Ты сюда ввалился будто пьяный, заплетаясь сразу всеми ногами. А я не падал – я просто ещё не вставал, – назидательно ответил я ему.

– А ты встань, и я погляжу на тебя! – фыркнул он.

Встань, хех... И рад бы, да дураком выглядеть не хочу. Так, значит встаём медленно и контролируем каждую мышцу – я сейчас как ребенок, впервые встающий на ноги, только мозги взрослые, а значит, и контролирую себя лучше... Виват, я стою! Плевать, что раскачиваюсь и ноги расшоперены для устойчивости... На всё плевать – я *стою!* Ощущения как на четвереньках, только ноги не нужно сгибать в коленях. Теперь первый шаг... только одной ногой, теперь другой. Так, начинаю улавливать ритм...

С победным видом я посмотрел на обескураженного Листа, за что и поплатился: передняя правая зацепилась за заднюю правую, зато задняя левая пнула переднюю левую. С грохотом ничуть не тише чем у Листа, я покотился по полу и затормозил только у книжного шкафа. Мерзкая мебель тут же исторгнула на меня ворох книг и свитков.

– Почему вас ноги не держат? – стараясь перекричать истерическое ржание Листа, спросила Твайлайт. – Неужели из-за зелья у вас совсем не осталось сил?

– У людей центр тяжести в другом месте, иначе расположены суставы и ног не так много, – пояснил я, выплюнув попавший в рот свиток.

– Но ведь на четырёх ногах удобнее ходить, чем на двух? – удивилась единорожка. – Больше точек опоры – значит проще держать равновесие!

– Скажешь это, когда у тебя будет восемь ног! – буркнул Лист, делая очередную попытку

подняться.

В этот раз у него получалось куда лучше: удерживая равновесие крыльями, он прошёлся по гостиной и рухнул на софу. Не желая отставать, я встал и медленно дошёл до кресла, в котором сидел будучи человеком. Возле него валялась моя одежда, порванная в нескольких местах – нужно было снять заранее.

– А как выглядело превращение со стороны? – полюбопытствовал я.

Пони зачем-то заглянула в свиток, словно успела что-то забыть.

– Ничего особенного. Ты рухнул и затрясся, а потом замер и начал светиться. Сначала слабо, постепенно набирая яркость, в конце вспыхнул так ярко, что я отвела взгляд. Когда посмотрела вновь – ты был уже единорогом.

Я скосил глаза на лоб – там и вправду торчал витой рог.

– Твай, ты не могла бы принести зеркало? – попросил я.

Единорожка кивнула и через пару минут принесла с помощью телекинеза высокое зеркало, так что можно было увидеть себя в полный рост. Итак, я единорог – это уже выяснили. Далее: я мятно-зелёный, как Лира, только потемнее. Грива и хвост снежно белые и роскошно длинные, такие больше подошли бы кобылке. Я скосил взгляд на Листа – у него была короткая щётка на голове и аккуратный маленький хвост, моя же причёска больше подошла бы Флаттершай. Но, в общем, я себе понравился... Я себе вообще всегда нравлюсь! Даже когда я свалился в пруд и брёл весь в тине, грязи и водорослях – я был офигенен! По крайней мере, с моей точки зрения. Повернувшись боком, я взглянул на свою метку судьбы и невольно скривился – октограмма, заключённая в квадрат. Просто чёрные линии без всяких изысков. Похоже, даже сбежав в другой Мир от себя не скрыться. Маленькая дрянь не врала...

Твайлайт заметила моё недовольство меткой и подошла ближе.

– Ты знаешь, что она означает? – указала она копытцем на кюотимарку. – Когда тебе было плохо от переизбытка энергии в Кантерлоте, такая же метка появилась у тебя на груди!

– На груди, говоришь? – я потёр свою грудь. – Да, я знаю, что это значит. Это символ мироздания.

Единорожка удивлённо посмотрела на меня. Наверняка, она видала немало символов с таким названием...

– Смотри, – решил я пояснить, – эти четыре угла означают материальный план бытия, то есть четыре агрегатных состояния вещества: газ, жидкость, твёрдое тело и плазма. Условно это можно назвать нижним квадратом или алхимическим. А эти четыре угла означают нематериальную основу мира: время, пространство, жизнь и разум. Верхний квадрат или эфемерный.

– А что значит этот квадрат? – ткнула Твайлайт во внешний периметр.

– Это квадрат бытия. Его углы значат реальность, вероятность и информацию.

– А четвёртый? – жадно спросила пони, в её голове уже начала выстраиваться теория об этом символе.

– Не знаю, она не сказала, – я устало откинулся на кресле, невольно копируя сидящую Лиру.

– Она? Кто она? – переспросила Твайлайт.

– Моя смерть.

– Твоя... КТО?! – глаза единорожки увеличились ещё больше, вконец посрамляя аниме-персонажей, а челюсть едва не вывихнулась.

– Моя смерть, – я закрыл глаза, вспоминать о былом не слишком хотелось. – Когда мне было

четырнадцать и гормоны преобладали над разумом, я был не слишком устойчив в психическом плане. А тут, как назло, чёрная полоса в жизни: в семье проблемы, с учёбой, девушка рассмеялась в лицо... В общем, как это ни стыдно вспоминать сейчас, я сорвался. Поднялся на ближайшее высокое здание и спрыгнул.

– Как же ты выжил? – тихо спросил Лист со своего места.

– Никак. Шестнадцать этажей – без шансов. Тогда-то я и встретил её, свою смерть. Она пришла в образе маленькой девочки – такая кукла с голубыми глазами и золотыми волосами, просто ангелок... Но внешность неважна: кто передо мной – я понял сразу! Я обрадовался ей как родной, наивный дурак... А она заявила, что, по договору с Нерождённым, я не имею права умереть раньше срока. И не забрала меня! Я потом три года в гипсе пролежал, меня врачи по кускам собирали и всё удивлялись, что я не только не подох, а ещё и на поправку иду!.. Про меня и в газете местной писали – самоубийца-неудачник, выживший после падения с огромной высоты. И знак этот оставила именно она, Вторая Сестра. Даже разъяснила его значение, сказав напоследок, что, пока не узнаю значение последнего угла, я буду пленником этого знака.